

Нарисуйте
мне

Аиранетова
Марина

Марина Сергеевна Айрапетова

Нарисуйте мне счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69949678

SelfPub; 2023

Аннотация

Как часто люди желают друг другу счастья. Это звучит почти во всех поздравлениях, при расставаниях, в разговорах о будущем детей. Но что это такое, как оно выглядит, как его узнать, это загадочное счастье? А бывает и так, что все вокруг считают человека счастливым, а человек этот так и заканчивает свою жизнь, не познакомившись с ним. Одинаковым для всех оно тоже не бывает. И если вдруг двое увидят счастье в одной и той же точке, то и пересечение их судеб неминуемо. Счастье это будет существовать только для них двоих, если они там окажутся вместе.

Марина Айрапетова

Нарисуйте мне счастье

Телефон с выключенным звуком запрыгал от вибрации рядом на стуле. Артём нехотя, вытерев предварительно руку, потянулся, не сходя с табурета, к телефону. Телефон смолк. Артём принял прежнюю позу, но руку предусмотрительно держал чистой. Он так и знал, телефон вновь запрыгал на стуле.

- Алло? Не слышу!
- А вот я тебя слышу и думаю: «И чего орет?»
- А! Это ты, и чего тебе в такую рань надо?
- Ты даёшь, рань! Ты на часы-то поглядываешь хотябы изредка?
- А что?
- Да так. Чем занят в такую рань? Я вот, например, уже обеденный перерыв на работе пережил, теперь опять в поте лица жду кофейного перерыва. А ты что?
- Ничего, работаю.
- А-а-а! Я и забыл, что ты псих. И что работаешь?
- Заказ пишу...
- Ой!!! Ну это другое дело! А подробнее?!
- Да так. На той выставке, что была недавно, где у меня... ну вообще... Подошёл ко мне один тип и заказал мне

картину. Сказал: «Хочу на неё смотреть и видеть счастье». Вот я и рисую.

- Что?! Счастье?!
- Ну а что же ещё?
- Ты что, пьян что ли?
- Ой, слушай, не мешай мне.
- Ну он хотябы при деньгах?
- Я в карманы к нему не лазил.
- Ну ты псих!!! Счастье! Ладно, после поговорим. Сей-

час, я вижу, ты весь вышел, сказал приятель и отключился. Артем бросил телефон на диван и покрутился на табурете. Звонок сумел сбить с толку.

Артем пытался думать о счастье. Но в голову лезли всякие дурацкие мысли о жизни, о смерти, о самом себе. Счастье из всего этого никак не лепилось. И на черта он согласился на этот заказ. Ну теперь уже поздно, придётся придумать счастье. Вот интересно, о трудностях люди думают, о прошлом тоже иногда, ну о будущем мечтают и ещё о всяком разном. А вот о счастье? Его же надо либо делать, либо испытать однажды, ну или, что вообще мало вероятно, ощущать, то есть жить в нем. Его и словами-то нелегко, наверное, описать. А тут надо изобразить просто на холсте. Проблема встала рядом и всем весом оперлась на плечи Артема.

Он отшвырнул кисть, оттер и вторую руку и пошёл шататься по квартире, лишь бы подальше от холста.

Незаметно день закончился, вечер влез в окно со всеми

своими сумерками, резко изменив и облик комнаты, и холст, сиротливо покоящийся весь день на своём месте, и, самое главное, настроение. Оно готовилось стать романтическим, приятно легковесным. . . . Но тут резко заржал телефон. Это был все тот же шумный и настойчивый утренний друг. Нет, это был действительно преданный давнишний друг. Но с ним была одна печаль, он был слишком активным и настойчивым. Его даже называли родители очень настойчивым именем Захар. У Артема всегда получалось произносить это имя с запинкой, поэтому он его переименовал в Духа. В понимании Артема это полностью отображало суть Захара. Даже когда его не было рядом, дух его так и витал вокруг Артема. А сам же Дух существовал совершенно безотчетно, и, как ни странно, от него никто ничего не требовал и не приставал к нему с вопросами. Даже его начальство смотрело на него так, будто он и правда был всего лишь духом.

Так вот, Захар, освободившись от повинности сидеть в четырёх стенах конторы, выскочил на волю и тут же позвонил другу. Ему жизненно было необходимо дожать Артема и получить ответы на все вопросы.

- Ну что, я иду к тебе, или прошвырнемся?
- А. . . , это опять ты. Послушай Дух, я сегодня не в духе, – ответил Артём и сам же ухмыльнулся на свой каламбур.
- И чё, я тоже не в нем. Ну тогда сам приду, – сказал быстро Захар и, чтобы не услышать возражений, отключился.

Артем покорно стал дожидаться друга. Захар прискакал быстро, работал он неподалёку. Занеся лишь одну ногу за прог, он уже начал свой допрос по поводу заказа. Он потом ещё долго расхаживал по комнате и удивлялся, почему Артём ничего толком не обговорил с заказчиком.

- Ну, Артист, кто так делает?-заклучил под конец расстроенный Захар. Артистом он Артема часто называл вместо его имени. Как он же объяснял, что это не в отместку, а потому, что в некоторых странах, например во Франции, представителей всех областей искусства называют артистами.

Захар ещё пошатался в раздумье по комнате, потом предложил сходить куда-нибудь выпить. Уже сидя в баре, он вдруг приободрился и сказал, что он это дело берет на себя. На вопросительный взгляд своего друга ответил, что поговорит с галлеристом и уговорит его организовать это дело. Артист слушал его в пол-уха, его сейчас этот вопрос меньше всего интересовал. Он редко рисовал по заказу, и то только друзьям или знакомым друзей. А вот так, с бухты-барухты да ещё и счастье. И теперь он сидит и думает, что он и сам не знает, что это такое и как оно выглядит, счастье.

Да люди часто и много говорят о счастье, вернее, слово это часто употребляют. Но оно какое-то безликое. Не емкое что ли. Бывают слова, которые сразу видишь или ощущаешь. Вот, например, слово шум. Артём его сразу видел и слышал. Это слово для него имело объём и цвет. Он бы нарисовал длинный-предлинный темный туннель, а в конце его свет

и воздух, закручивающийся в дымную спираль. Слово счастье так и бродило по закоулкам его сознания. В баре стало шумно и душно. Друзья выкатились на улицу. Было уже темно, становилось прохладно. Каждый заторопился домой. Захар, хлопнув приятеля по повисшему плечу, пошёл в сторону метро довольный тем, что наконец придумал как помочь другу подзаработать. А Артём устало поплёлся к себе пешком, ему было совсем близко. По дороге одна и та же мысль долбила мозг. Как же оно выглядит, это счастье?

Шли дни, Артист продолжал сидеть с перепачканными руками перед мольбертом и размышлять. А чистый холст так и стоял нетронутый. Иногда забегал Дух и спрашивал: «Ну что? Так и сидите и смотрите друг на друга? И в обоих пусто?». Артисту отвечать было нечего, да и не хотелось. Наступил трудный период «творческих мук». Так это состояние принято именовать, но на самом деле Артём понимал, что это он сам мучился, а творчество просто самоустранилось. Иногда к нему заходили старые знакомые, забегала пару раз со своими пирожками старшая сестра его прежней девушки. Девушка уже давно на него плюнула и вышла очень удачно замуж. Они после ее замужества вообще не общались из-за того, что муж у неё был слишком подозрительным, как говорили общие знакомые. А вот старшая сестра ее, милая и одинокая, уже стареющая женщина, полюбила его всей душой и продолжала время от времени его навещать с кулинарными изделиями собственного приготовления. Придя, она

всегда с большим интересом и вниманием рассматривала его картины, бурно восторгалась и потом, раскрасневшись, поспешно убегала. Ее приходы Артём любил, они были всегда недолгими, добрыми и вкусными.

Но чаще всех заходил обстоятельный и деловой Дух. Он-то и регламентировал поток знакомых к Артисту. Заключив сделку с галеристом, Захар теперь оберегал покой друга, устранял «помехи». Он и сам теперь приходил только для того, чтобы отследить Артиста, освобождая его от бытовых нужд. Дух приносил ему еду из ближайшей кулинарии. По вечерам, если Артисту приходила «шальная» мысль сходить в бар выпить, всеми силами уговаривал его просто посидеть дома, а выпить мол можно и дома, и даже комфортнее. Дух всеми силами сберегал силы Артиста для заказанного «счастья».

Но дело не шло.

После долгих мучений и хандры, Артём решил начать пробы кисти. Если он начинал рисовать что-то конкретное, ему быстро наскучивало, а потом и вовсе становилось тошно. Попытки были и абстрактного изображения, но и это не обретало смысла. Тогда он решил начать писать то, что первое будет приходить в голову.

Таким образом появилась дорога, это была проселочная дорога, которая и шла неясно откуда и куда. Потом вдоль дороги растянулось поле с мелкими, мало приметными, подрагивающими от малейшего ветерка цветочками. Потом за по-

лем стал разрастаться темно-голубой лес, который чем глубже, тем синее становился. Артём потихоньку заводился, работа его начинала увлекать. Но где здесь будет счастье, он по-прежнему не понимал.

Духа в эти дни он вообще перестал впускать в квартиру. Захар поначалу решил обидеться, но потом занял выжидательную позицию. Он теперь всецело занялся прикрытием Артема в отношениях с галлеристом. Но так как интерес последнего был не настолько значимым, чтобы идти на конфликт, он соглашался подождать и успокоить заказчика.

А Артём и не собирался торопиться. Он вообще не любил спешки, особенно в своём самом любимом занятии. Он все время о чем-то размышлял, но о чем, он и себе не мог объяснить. В голове поднялся целый ворох мыслей, воспоминаний, суждений и, конечно, вопросов. Вот только за ответами не хотелось ни к кому обращаться. Счастье он должен рисовать своё. Только в такое он сможет сам поверить.

Иногда его охватывало уныние, вокруг так много бед и несчастий. Вот о них люди всегда ясно говорят и переживают своё горе очень натурально. А счастье? Полная пустота со всем этим счастьем!

Так проходило несколько дней. Потом все куда-то улетучивалось, и опять хотелось писать. Так появилась река по левую сторону от дороги. Река получилась живая, прохладная и неспешная. Потом на другом берегу реки почему-то стали выстраиваться горы довольно высокие и поросшие лесами.

От них веяло прохладой и мощью.

Трезвонил телефон уже довольно долго, когда Артём наконец решил взять его в руки. Это был опять Дух. Первым желанием было не отвечать, но стало жалко друга. Он ведь заботится именно о нем, хоть Артём его и не просил.

- Ну что тебе от меня надо? Я ещё не готов.

- А я и не тороплю. Привет. Можно к тебе зайти, я за дверь. А ты где?

- А я с другой ее стороны,-ответил Артём, открывая дверь.

Захар ворвался в квартиру, всучил другу пакет с едой и напрямик направился к картине. Дух долго громко дышал перед картиной, подходил вплотную и отдалялся. Потом сел спиной к ней и вопросительно посмотрел на друга. Видно было, что он не понял, что в ней было счастьем, и закончена ли картина. Артём успокоил и одновременно расстроил его, сказав, что картина ещё в работе. Дух сдержался и глупых вопросов не стал задавать по поводу увиденного. Потом он перешёл к делу, по которому так бесцеремонно вломился в дом Артиста-отшельника, как выразился Дух. Артём криво улыбнулся.

А дело было вот в чем. Галлерист оказался замечательным мужиком, который относится спокойно к ситуации и уговорил заказчика не торопить мастера. Но есть одно обстоятельство, надо подписать пару бумажек, закрепляющих отношения всех троих. Ходить Артёму никуда не придётся, так что

потери времени не будет. И на удивленный взгляд друга он ответил, что галлерист пришлёт свою младшую сестру. Как объяснил Захару галлерист, она ещё сопливая студентка, но родители хотят, чтобы она тоже пошла по стопам брата. А всем тонкостям в институте все равно не обучат, вот он и даёт ей возможность пообтереться и поучиться на практике. Все лучше, чем шляться по разным кафешкам, прогуливая занятия. Уходя, Дух сказал, что она зайдёт часа через два. Хоть и с картиной ему было пока все непонятно, а все же уходил он с чувством выполненного долга. Все вопросы главные были на сегодня закрыты: друг был при картине, в работе, еда у него дня на два теперь была, о стажерке он тоже предупредил.

Закрыв дверь, Артём тоже облегченно вздохнул. Он был рад, что Дух воспринял картину молча, объяснять ничего не хотелось. Да он и сам не знал, почему он все это нарисовал. Настроение было гнусное, хотелось выпить. Но до прихода этой стажерки не стоило, и он пошёл на кухню есть то, что притащил Дух.

Не прошло и двух часов, как раздался звонок в дверь. Артём поплёлся в коридор открывать. На пороге стояло странное стриженное почти под «ноль» создание на тонких ножках. Девушка кивнула и смело вошла в квартиру. Она четко выдала подготовленное и выученное заранее объяснение своего прихода. Артём молча выслушал и кивнул, приглашая войти в комнату. Девушку он пропустил вперёд, а сам

пошёл следом, с интересом разглядывая странное создание природы. Девушка была очень юной и немного угловатой с очень симпатичной физиономией. Черты были не мелкие, но гармонично сочетающиеся друг с другом. Великоватый нос был оправдан большими продолговатыми глазами, а довольно тонкий рот соответствовал острому, пронзительному взгляду. Роста она было среднего и худая, может быть даже слишком. Но больше всего конечно поражал мелкий темный ёжик волос на совершенно круглой голове.

Пока Артём рассматривал и изучал это странное создание, само создание с интересом изучало его картины. Девушка обошла все картины, которые были в этой комнате. А картин было много, они и висели по стенам и стояли приклонённые к шкафу, столу и дивану. Переходя от картины к картине, выражение ее лица менялось в зависимости от восприятия. Но почему-то она вообще не обращала внимания на картину, что стояла на главном месте, картину, которая была в работе, по поводу которой она собственно и пришла. Осмотрев все картины, кроме этой основной, она, резко обернувшись, сообщила, что зовут ее Кира и протянула руку для знакомства. Артём пожал ее тонкую руку с длинными палочками вместо пальцев, тоже представившись. Затем Кира продолжила официальную часть своего визита, она выложила бумаги, которые надлежало Артёму подписать. Он, полностью полагаясь на деловые качества друга, пробежался по диагонали глазами по тексту и быстро поставил свои

подписи. Когда он поднял глаза, Кира стояла прямо перед его работой. Она сосредоточенно то ли рассматривала картину, то ли о чем-то думала. Она стояла и при этом слегка раскачивалась взад-вперёд, как раскачивается очень тонкое деревце на ветру. Эта девочка не переставала удивлять, даже завораживать художника. Как профессионал, он пытался как можно лучше увидеть ее и запомнить.

Вдруг она опять резко обернулась и сказала: «Здесь так много всего сразу нарисовано, что невозможно охватить взглядом. Все в отдельности очень здорово, но я хочу все сразу. Если бы я могла подпрыгнуть и ухватиться вон за то облако похожее на пёрышко или крыло! Я бы летела и с высоты любовалась всем этим, а ветер меня нёс бы вон туда, к морю. Артём подошёл тоже к картине и впервые посмотрел на все, что там было изображено с высоты этого то ли пёрышка, то ли крыла, с высоты этого маленького облака на безоблачном небе. Он тоже почувствовал, что и его подгоняет ветер. Так стоя рядом с ней перед своей картиной, он, не поворачивая головы, вдруг удивленно спросил: «Ветер несёт куда, к морю? А где море?» Девушка подошла вплотную к картине и, ткнув пальцем в верхний правый угол картины, уверенно сказала: «Ну так вот же здесь, прямо за краем картины.» Артём почему-то резко почувствовал соленый запах морского прибоя.

А Кира уже заторопилась и, сложив подписанные бумаги в папку, направилась в коридор. Вновь пожимая протяну-

тую ладонь с палочками, Артём вдруг неожиданно для себя спросил: «А почему так коротко сострижены волосы?» Кира совершенно спокойно объяснила, что сделала это в ответ на вечные претензии к ее прическам. То челка на глаза, то волосы всюду лезут, то не так причесала, то зачем за уши, и так мол уши торчком. Надоело ей все это. А тут лысая пришла, и все сразу же притихли. Теперь все ждут, когда волосы вырастут, и она тоже ждёт. «Интересно, как теперь все будет?»— с этими словами она и ушла. А Артём все ещё стоял в коридоре, пытаясь собрать мысли в голову. Потом он ещё долго слонялся по квартире, не понимая или не осознавая, о чем он думает. Да, девочка была неожиданная. Она была и странная и восхитительная одновременно. Но дело не в этом. А в чем? Понять Артём не мог.

Резко завопил телефон, так врываться умел только Дух. Артём рассеянно поднёс телефон к уху, и туда ворвался целый поток вопросов заинтересованного друга. Ну прежде всего Захара интересовало, не забыло ли это создание принести нужные бумаги, и не забыл ли Артист, увидев такое создание, подписать эти бумаги. Потом несколько формальных вопросов о том, когда оно пришло и ушло, интересовалось ли картиной и видело ли ее. Получив только ответ о том, что все подписано и, узнав примерное время ухода, Дух перешёл к неофициальной части разговора. Но вот тут-то и произошла осечка. Артист очень вяло реагировал на иронические замечания Духа в адрес проходящей. И вообще, он

показался очень рассеянным Захару. Разговор пришлось отложить на попозже.

Отделавшись от Духовых забот, Артём вновь вернулся к поиску своих мыслей. Но мысли как-то плотно перемешались с чувствами и не разматывались. А чувства в таком виде вообще не поддавались никакому анализу. Но Артём и не склонен был к анализу чувств, он скорее их всегда пытался выразить на холсте, «материализовать что ли», как он сам это определял.

Так послонявшись безрезультатно по квартире, он оделся и вышел на улицу. Тут только он и заметил, что лето ещё не закончилось, хотя уже давно пришёл сентябрь. Как всегда к вечеру толпа оживилась, повеселела. Всюду шаталось много молодежи. Он и себя пока все ещё причисляла к этой категории, но на фоне утренней студентки-стажерки и окружающих его в этот час юных гуляк, он уже не казался сам себе таким уж юным. Да и про Духа этого уже не скажешь, и не столько по внешнему признаку, сколько по взгляду на любую проблему. Дух так вообще на все сорок тянет. Артем шёл в этой шатающейся толпе, рассматривая идущих навстречу молодых людей. Он как будто пытался в них узнать утреннюю Киру. Ему хотелось найти типичность. Но типичности не было. Она просто свалилась на него сверху. «Сверху...?»-подумал Артём. Он резко остановился среди идущей и толкающейся толпы. Потом он развернулся и зашагал быстро в сторону своего дома. Теперь он по крупин-

ке собирал в памяти девушку Киру. Он был благодарен себе, что так досконально и бесцеремонно рассматривал ее днём. Кира постепенно обретала форму, цвет, запах и голос. И это было здорово, что она так сильно поразила его своей неожиданной несуразностью.

Когда Артём входил в квартиру, он ещё не знал, что будет делать, та его часть, которая должна была это решить, блуждала где-то отдельно. Артём пошёл на кухню, ужасно хотелось есть. В холодильнике он нашёл остатки того, что притаранил Дух накануне, надо было только разогреть. А пока он стоял с едой в руке и размышлял, два его существа соединились. Он рассеянно запихнул еду вновь в холодильник и пошёл в комнату. Ощутил он себя только тогда, когда уже стоял перед картиной с кистью в руке. Ещё не до конца понимая, что он сейчас будет делать, он провёл тонкую лёгкую линию в небе от того единственного облака, похожего толи на перо, толи на крыло. И тут только сообразив, что от него хочет его существо, он принялся вспоминать на холсте девушку по имени Кира.

Артём работал почти всю ночь, очень долго не удавалось передать холсту все, что Кира оставила после себя в его памяти. Уже наступило утро, когда он отбросил кисти, вытер руки прямо о рубашку, совершенно забыв, что не переоделся в свою любимую робу. И совершенно обессиленный бросился на диван. Ужасно хотелось спать.

Но Дух уже витал поблизости. Телефон резко заржал.

Сначала Артём решил не отвечать, но с всепроникающим Духом это было невозможно. Телефон сам отключался, а Захар вновь начинал трезвонить. Артём понимал, что спасения не было, если он не откликнется, то приход Духа будет все равно неотвратим.

- Ты что, умер?
- Пока живой, но ты можешь меня добить.
- Да ладно! Как дело продвигается?
- Никак.

Нет, пора тебя протрясти. Скоро приду, и он по обыкновению поспешно отключился. Это было нехорошим знаком, но все равно с этим надо было заканчивать. Артём сел перед своей выстраданной картиной и попытался ее рассмотреть. Но это не удавалось, она ему почему-то казалась уже не картиной, а частью его самого. Он задумался. Вынул его из этого состояния конечно же Дух. Он, как и следовало ожидать, пришёл. Войдя в комнату, он сразу же устремился к картине. Первая реакция его была для Артема вообще неожиданной. Дух, не поворачиваясь к Артёму, весело спросил: «Ты что, эту чудинку по имени Кира на облаке повесил?». Артём от неожиданности замер и молчал. Дух тоже не поворачивался, так постояв ещё несколько минут, он вдруг добавил:

- А она не висит, а летит ведь! Это я прямо ощущаю.

И куда?

- К морю.

- Ты уверен?
- Абсолютно. И знаешь, я ее ни продавать, ни отдавать не собираюсь. Это мое счастье. Я нарисовал своё собственное счастье. А такими вещами не бросаются.

Дух почему-то на этот раз понял друга сразу. Обескураженный пониманием случившегося, вернулся в это вечер домой Захар. Ночью он обмозговывал сложившуюся ситуацию. А на следующий день, жертвуя обеденным перерывом, верный друг отправился к галлеристу улаживать дело.

16.02.23